

БЕЛОЕ КРУЖЕВО, РОЗОВЫЙ ШЕЛК

Завтра Леночке исполняется пять – целых пять! – лет. Она так ждет этого дня. Предвкушает праздник, радость, подарки.

Леночка мечтает. Что ей подарят? Куклу с длинными волосами, которую она давно хотела? В белом кружевном платье с розовыми шёлковыми лентами – нежными, как лепестки! Или кукольный домик? Леночка видела его в «Детском мире». Кажется, что в таких домиках обязательно должны жить маленькие человечки. Вот бы посмотреть хоть одним глазком! А может, подарят набор кукольной посуды или книжку с картинками?

Но самый большой подарок это, конечно, братик. Папа сказал, что уже завтра привезет маму с Петенькой – так называли братика – из больницы. Как раз в день рождения Леночки! Девочка ждет и волнуется: вот это подарок так подарок!

Но назавтра мама возвращается одна. О Петеньке больше не говорят, на вопросы о нем не отвечают. А Лена... Её долгожданный день словно исчез из календаря. И про нее саму будто забыли. Родители ходят с такими лицами, что Леночке становится страшно. Может, она сделала что-то не то и ее наказывают? Не могла же она провиниться так сильно!

Леночка снова и снова подходит к маме, тянет за платье. Та сначала смотрит на дочь невидящим взглядом, молча отходит, отворачивается. В следующие разы говорит: «Уйди, не до тебя!» С каждым разом раздражения в голосе все больше.

На пятый или шестой раз женщина и вовсе начинает кричать в голос: «Эгоистка! Какое право ты имеешь требовать к себе внимания в этот день! Ведь у *него-то* никогда не будет ни праздников, ни поздравлений, ни подарков!» Папа вмешивается, берет маму за плечи: «Тише,

тише!» А потом говорит Леночке быстрой скороговоркой и тоже отворачиваясь: «Потом отметим, как-нибудь потом. Только не сейчас. Не беспокой маму». И уводит ту в дальнюю комнату, закрывая перед Леночкой дверь.

* * *

Лене сегодня 35. Она едет домой в полупустом вагоне метро. У Лены в руках большой букет роз, опущенный низко-низко – бутоны метут грязный пол. Ей не до цветов. У нее всегда в этот день непонятная горечь в душе и почему-то стыдно отмечать, получать внимание, подарки и поздравления.

Погруженная в себя, Лена несколько раз задевает цветы ногами, чуть ли не наступая. Лепестки осыпаются, нежные, белые и розовые, как кружево и шелк того кукольного платья. Лепестками уже усеян весь пол вокруг нее. А Лена, придавленная тяжестью неясной тоски, не замечает: нервно переступает, задевает бутоны.

Другие пассажиры осторожно, очень осторожно обходят бело-розовую хрупкость. Только сама Лена, выходя из вагона, бессознательно еще раз задевает букет и, не глядя под ноги, ступает прямо по лепесткам.

И они лежат на грязном полу, беззащитные и бесполезные.

РОДОВОЕ ДРЕВО

1. Перевернутое дерево

Я наконец-то выкинула мамин фикус! Так и не смогла его полюбить. В уютной обыденности растения было нечто удушающее. Мама давным-давно привезла мне отросток, как всегда, не спросив согласия: «У меня хорошо растет, у бабушки такой же был». И, смеясь, добавила: «Наше родовое дерево».

Почему я терпела так долго? Фикус успел вымахать аж до потолка – еле умещался на подоконнике в огромной кадке и закрывал половину окна. Даже смотреть на него было тесно. Казалось, разросшееся растение – теперь уже действительно дерево – душит, высасывает из воздуха свет. Зато семейное дерево!

В общем, собралась и вынесла тяжеленную неуклюжую кадку в подъезд – забирайте, кому приглянется. А спустя всего пару часов увидела перевернутое дерево на газоне – форма в очередной раз победила содержание: забрали кадку, а не растение. Его корни торчали вверх. В этом была внутренняя правда: какой род, такое и дерево.

Когда я днем раньше сообщила семье, что собираюсь замуж, то получила проклятие вместо благословения. За то, что сама выбрала, сама решила – не спросилась, не отчиталась. Хотя и лет мне уже немало, чтобы чужое мнение и тем более разрешение спрашивать; и живём – в разных городах! – в Центральной России двадцать первого века, а не при домострое и патриархате. А обыденное семейное мракобесие все то же – прокалось в список вечных ценностей.

Сначала мама без предупреждения развернула военные действия: «Я не разрешала! Не смей самовольничать!» С размаху началась массированная атака: «Если сделаешь это, лишу наследства! Подам в суд!» Подключились тяжелая артиллерия и танки: «Заплачу психиатру, чтобы тебя признали невменяемой и недееспособной». Папа также присоединился к силовой операции: «Не буду поздравлять с помолвкой. Раз не слушаешь мать, с таким мерзким характером ты не заслуживаешь ничего хорошего». И продолжил зачистку: «Все равно он бросит тебя через год. Кому ты нужна такая!»

Вот такое «приданое» я получила. Проклятие это ведь что? По словарю, «словесная формула, содержащая пожелание зла, ругательства. Крайнее, бесповоротное суждение, отторжение». Другое название для грубости и хамства, оскорблений и угроз. А хороших слов – благословений – у этого рода для меня не нашлось.

Сквозь слезы и ярость пришли и встали защитной стеной спокойные ясные слова: со мной так нельзя! Вот тогда я, наконец, и выкинула «родовой» фикус.

2. Древо жизни

В поисках утраченной радости еду на ярмарку мастеров. В таких местах, полных живых и теплых вещей, обычно и глазам приятно, и на душе светлеет.

Обойдя ярмарочную площадь, возвращаюсь к палатке с филимоновской игрушкой – тульским народным промыслом. Рассматриваю с умилением и нежностью.

Из-за прилавка приветливо улыбается маленькая старушка в платочке. Перед ней, позади торжественного парада пестрых красавцев, – глиняные заготовки, белые, как ее платочек. Мастерница расписывает их живыми теплыми красками: красной, желтой, зеленой. И рождаются радостные солнечные звери и птицы с длинными шеями: медведи, олени, индюки, петухи.

Насмотревшись на расцветающую под пальцами красоту, перевожу взгляд на сам прилавок.

– Скажите, а вот это что такое? – показываю на обнимающуюся пару: барышня в длинной юбке колоколом, разудалый кавалер в лихой шапке.

– Любота, детонька.

– Любота?

Старушка принимается рассказывать о глиняной парочке, а от них перебрасывает мостик к древним корням филимоновского промысла. У нее цветистый, сочный говор – как у сказительницы былин. Пробую незнакомое слово на вкус, рассматриваю и трогаю яркие фигурки. «Любота» звучит невероятно мило. Слышится в этом душевность, сердечность. Любование и облюбовывание. Есть и в этом слове и в самих филимоновских игрушках – во всех! – уютная архаика, доброе домашнее язычество. Будто смотришь на изображения духов-покровителей дома или семейные обереги.

Замечаю, что изображений Люботы несколько, и все разные. Есть «просто» Любота: пара танцует-обнимается. Очень тепло на них смотреть. С легкостью верю, что такие фигурки были талисманами, хранителями для любящей пары и дарились на свадьбу. Вторая Любота с ведрами: у обнимающейся пары ещё и коромысло на плечах – одно на двоих. Это, должно быть, о том, чтобы «в горе и в радости» делить все поровну, помогать друг другу и поддерживать. А третья Любота явно про семейное изобилие и благосостояние в доме: у барыни в руках каравай, а у кавалера – курочка. Все три Люботы чудо как хороши.

Старушка тем временем речёт как реченька течет.

– А сам-то дед Филимон, слышь-ко, дюже непростой-то был. До-прежь того, как к нам прибился да нашей глиной-синикой занялся, люди глаголят, с царской-то каторги убог, а того ране богомазом слыл! Эко диво – и там и там доспеть! Вишь ты, руки-то у него были наособицу – и лик Божий писать, и промыслу нашему начало дать. Оттого, ты глянь-ко, – сколь много лет минуло, а свет-то от поделок наших по сю пору идет! Будто на солнышке сидишь и кто по головушке гладит. Даже каторга не возмогла того извести.

Вволю напивавшись от солнечных парочек душевным теплом, перевожу взгляд дальше по прилавку.

– А это что такое?

– Дерево.

Я еще не видела таких сложных сюжетов среди архаически простых филимоновских игрушек. В центре действительно дерево, как ось, на которую нанизано все остальное. У основания ствола прилепилась маленькая Любота, а на ветвях чего только нет! Птицы, звери, плоды, детские фигурки. Даже солнце! И тут до меня доходит: это же Дерево Жизни! Любуюсь им, и столько сердечной радости разливается по телу! Словно чувствую благословение, идущее сквозь века.

Вспоминаю о предстоящей свадьбе. Вот что мне нужно для нового начала! Поставлю на место фикуса.